

ЯЗЫК И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Оразбекова И.Г., Таева Р.М., Искакова Г.

Казахстан, Алматы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби
indiragazizovna@mail.ru, rozt@mail.ru, gulnaz_iskakova@mail.ru

Настоящая статья рассматривает язык политики как отражение специфики политической культуры. Политика, её институты и процессы не существуют безотносительно к языку и языковым процессам в обществе. Подобно тому, как культура в целом определяет и предписывает те или иные нормы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере.

The article considers language of politics as the reflection of specifics of political culture. The politics and its institutes and processes do not exist separately of language and language processes in the society. The culture as a whole defines and determines norms and rules of behavior in various spheres of life and life situations, the political culture defines and shapes standards of behavior and "rules of the game" in the political sphere.

Ключевые слова: язык политики, политическая культура, политическая лингвистика, политический дискурс, когнитивная метафора

Keywords: language of politics, political culture, political linguistics, political discourse, cognitive metaphor

Политические тексты и высказывания отражают идеологию, систему естественно-исторического развития общества и являются средством воздействия на общественное сознание, т. е. характеризуются функцией управления обществом.

Следовательно, изучение политического языка было инициировано политологическими проблемами, т. е. попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций, а также потребностями лингвистической теории определить роль лингвистического феномена в политической жизни (использование эвфемизмов, метафор).

В современной лингвистике на базе политической коммуникации и общественной дисциплины «политология» формируется новое направление – политическая лингвистика. Предметом политической лингвистики является политический дискурс. Возникновение научной дисциплины – политического дискурса-анализа – произошло в последней трети XX столетия, однако традиции изучения взаимодействия языка и политики имеют глубокие корни.

Понятие «дискурс» весьма многозначно. На ранних этапах становления анализа дискурса этот термин отождествлялся с понятием текста. В дальнейшем дискурс начинает пониматься как «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость речевого произведения от значительного количества экстралингвистических факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста» [3: 13-14].

Наиболее известные примеры дискурсов, на которых развивалась политическая лингвистика, – язык национал-социализма (Klemperer 1947) [5];

русский политический язык советской эпохи, называемый во французской лингвистике «деревянный язык» – *langue de bois* (Seriot 1985) [6].

Исследователи в области политического дискурса-анализа В.И. Герасимов и М.В. Ильин, ссылаясь на Ealy St. D. 1981 и Geis M.L. 1987, считают, что к числу наиболее сильных формулировок в отношении взаимосвязи языка и политики можно отнести следующее:

- «если политическое проявляется только через речь, то адекватное понимание политической речи является необходимым условием для адекватного изучения политики».

- «политика, в сущности, является языковой деятельностью, в которой язык используется для информирования других о политических проблемах и для убеждения в необходимости принять участие в действиях, связанных с данными проблемами» [2: 65-66].

Таким образом, политическая лингвистика представляет собой не просто раздел языкознания, а «гибридную», «симбиотическую» область знания, которая имеет две приоритетные составляющие – язык и политику.

Основные области приложения лингвистических исследований политического дискурса и политологии связаны с анализом содержательной стороны политических текстов. Для этого были разработаны специальные методики и методы – метод контент-анализа и методика когнитивного картирования.

Лассуэлл, с именем которого связывают существенный прогресс в технике контент-анализа, провел исследование основных тем и идей официальной пропаганды стран-участников Первой мировой войны. В 1949 году под его редакцией вышла книга «Язык политики», в которой он, опираясь на предложения Чарльза Морриса, разграничивает два понятия – «политическая семантика» и «политическая синтактика». Первая – изучает ключевые понятия, лозунги и доктрины, как они понимаются, вторая – имеет дело с логическими и грамматическими соотношениями [4: 48].

Более сложный эксперимент проводился Х. де Ландсхеер на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. Весь столетийный отрезок времени был разделен на три части: 1831-1914, 1919-1939 и 1965-1981. Цель исследования заключалась в установлении возможных корреляций между частотой использования в политическом дискурсе политических метафор и периодами политико-экономических кризисов. В качестве корпуса данных были выбраны парламентские репортажи, колонки политических комментаторов, редакционные статьи из фламандской прессы.

В ходе эксперимента сила метафоры вычислялась по формуле: I (сила метафоры) = $\frac{1w + 2n + 3s}{t}$; где w – количество «слабых» метафор, реализующих стандартные метафорические переносы значения; n – обычные конвенциональные метафоры, не фиксированные как словарные значения; s – абсолютно новые, креативные метафоры, и, наконец, t – общее количество метафор. В процессе исследования были выявлены конкретные метафорические модели: Война, Смерть, Болезнь. Проведенный Х. де Ландсхеер эксперимент

подтвердил гипотезу о связи метафор с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией и с поиском решений проблемы [1: 252-253].

На материале русского языка интерес представляет контент-анализ «национальной идеи». В качестве материала использовалась выборка газетных текстов за 1996-1997 гг. На первом этапе анализа проводилась выборка документов из массива по ключевым словам. Полученный корпус текстов был обработан программой DIALEX, которая позволяет составить конкордансы на каждое употребление словосочетаний национальная идея, идея для России, российская идея, русская идея. В результате анализа к концепту «национальная идея» было выделено 13 неконфликтных метафорических моделей. Наибольшая часть употреблений в метафорических контекстах приходится на нейтральные и позитивно-оцениваемые метафоры – Персонификация, Строение, Растение/Дерево. Частота использования метафор по отношению к «национальной идее» очень мала, что говорит о слабой «дискуссионности» концепта [1: 254-271].

Английский писатель Дж. Оруэлл в своем знаменитом романе «1984» и в статьях об английском языке выявил важные закономерности взаимодействия языка и политики. Основным его достижением стала концепция так называемого новояза (newspeak) – особого рода дискурса, позволяющего контролировать политическое поведение.

П. Чилтон посвятил свои работы метафорике политического дискурса и показал, как на основе различных когнитивных схем складываются отдельные политические дискурсы. Тот факт, что очень много исследований посвящено политической метафоре, объясняется тем, что метафора является инструментом осуществления власти и обладает большими возможностями для манипуляции сознанием и поведением.

В современной науке существует понятие «политическая культура». В широком смысле политическую культуру можно рассматривать как исторически обусловленную качественную характеристику политической сферы общества, включающую уровень развития субъекта политики, его политическую деятельность и результаты этой деятельности, «опредмеченные» в соответствующих общественно-политических институтах и отношениях [2].

В узком смысле под ней понимается комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики. Подобно тому как культура в целом определяет и предписывает те или иные нормы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере.

Политическая культура в определенном смысле устанавливает некие рамки, в которых члены общества приемлют существующую форму управления как законную (легитимную) или отвергают ее, способствует формированию определенных типов поведения, придает ему направленность.

Анализ состояния политической культуры позволяет, например, объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах имеют различные функциональные назначения или почему

демократические по форме институты власти и конституционные нормы в отдельных странах могут комфортно уживаться с тоталитарным режимом власти.

Политическая культура включает характерную для данного общества совокупность политических знаний, норм, правил, обычаев, стереотипов политического повеления, политических оценок, политический опыт и традиции политической жизни, политическое воспитание и политическую социализацию.

Для полного понимания общественно-политической литературы необходимо иметь представление о модели общественного развития страны, о её политической культуре. Кодом политической культуры является национальный политический язык.

Знакомство с английскими политическими текстами показывает, что национально-специфический компонент данного языка политики проявляется в использовании метафор. Это объясняется тем, что семантика метафоры имеет корреляции в тех представлениях, которые соотносят ее с областью культуры[9].

Одна из актуальных проблем теории когнитивной метафоры – сопоставление закономерностей метафорического моделирования политической картины мира в политических дискурсах различных государств.

Г.С Кусаинова отмечает, что «изучая национальную специфику политической метафоры, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности и как пропагандируется социальный порядок» [8: 129].

Английский язык политики характеризуется использованием образов, ассоциирующихся с морем и морским делом, так как Англия еще в XIX в. стала могущественной морской державой. Например, Alexander Lukashenko is the last man standing on the deck of a ship of Soviet ideas ... (Александр Лукашенко представлен как последний человек, оставшийся на корабле Советских идей).

В современных текстах российского политического дискурса встречается метафорическое использование лексики родства: Мы все говорим, что после матери вторая мать деревня (*Н. Харитонов*). Мы (русские, украинцы и белорусы) были непобедимы, когда были имееете. У нас общие корни, мы – единая семья (*В. Путин*).

Значительное место в современной российской политической метафоре занимает образное представление союза страны и ее официального лидера. Президентские выборы могут метафорически обозначаться как *обручение*, последующий период – как *предсвадебный*, вновь избранный президент и страна – как *жених* и *невеста*, инаугурация – как *вступление в брак*, а первые сто дней после нее – как *медовый месяц*. Предложение занять важный государственный пост в нашей стране нередко называется *сватанье* (*сватовство*).

Для американского политического дискурса метафора родства мало характерна, а поэтому российские метафорические аргументы не производят должного впечатления в США. Для американцев гипотетическое и даже вполне

реальное кровное родство — это не причина для оказания материальной и тем более военной помощи. Как показал Дж. Лакофф, в Америке особенно действенны метафоры болезни и здоровья, финансовые и спортивные метафоры, образ отвечающего за порядок полицейского, представление войны как продолжения политики (метафора немецкого генерала Карла Клаузевица) и др. В американской ментальности президент как бы подписывает контракт с народом-работодателем. А если президент Милошевич или президент Саддам Хусейн нарушают условия контракта, то они — преступники. Для американцев Югославия — это больной организм, который вынуждены лечить натовские доктора. Или нарушающий порядок гражданин, которого вынужден призвать к порядку доблестный полицейский дядя Сэм.

Однако американские метафоры сохранения здоровья, экономической выгоды и справедливого полицейского плохо воспринимаются в России. А.П. Чудинов отмечает, что такова национальная ментальность русских, что о своем здоровье они начинают думать, когда его уже не осталось [7].

Итак, язык политики отражает политическую культуру общества, т.е. систему сложившихся, устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений установок, определенный способ мышления, комплекс представлений о том, что является приемлемым для большинства населения, а что будет отвергнуто, несмотря на усилия инициаторов политических инноваций.

Литература

1 Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику // МГУ им. Ломоносова. Филос.фак. — М: Эдиториал. УРСС, 2001. — С. 246-257.

2 Герасимов В.И., Ильин М.В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 61-71.

3 Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность. — М., 2000 — С. 13-14.

4 Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. — 2002.— № 3. — С. 44-60.

5 Klemperer V. LTI; Notizbuch eines Philologen. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1947. — 300p.

6 Seriot P Analyse in discourse politique Sovetique. — Paris, 1985. — 362p.

7 Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. — Екатеринбург, 2001. — 86с.

8 Кусаинова Г.С. Функциональный аспект политической метафоры на страницах казахоязычных и англоязычных газет: дис. ....канд. филолог. наук: 10.02.20. — Алматы, 2006. — 172с. — 0406РК00173.

9 Понятие, особенности и функции политической культуры // <http://www.grandars.ru>